

Центр стратегических оценок и прогнозов

www.csef.ru

ПАНКРАТЕНКО И.Н.

ИГИЛ СЕГОДНЯ: НА ПУТИ К ПОЛНОЦЕННОМУ ГОСУДАРСТВУ

Москва - 2015

«Исламское государство Ирака и Леванта» представляет собой уникальное явление, подлинное значение которого до сих пор так и не получило должного осмысления ни у политиков, ни в экспертном сообществе. Изначально рыхлый конгломерат экстремистских группировок, исламистских теоретиков и бывших активистов партии БААС за исторически короткий срок – чуть более одного десятилетия – сумел творчески переосмыслить опыт Талибана, аль-Каеды и других менее известных группировок, сформулировать социально привлекательную идею «Халифата» и эффективно использовать политический вакуум, возникший в регионе после американского вторжения в Ирак, «арабской весны» и сирийского кризиса. В итоге, на сегодняшний день ИГИЛ представляет собой протогосударство, с территорией в 50-70 тысяч квадратных километров и населением в 6-7 миллионов человек (цифры, естественно, приблизительные). И конечная цель руководства «Халифата» не вызывает сомнения – превращение этого протогосударства в государство полноценное, что будет означать появление нового актора на Ближнем и Среднем Востоке, влияние которого будет выходить за рамки региона и, соответственно, внесет принципиальные изменения в существующий мировой политический ландшафт.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ «ИСЛАМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ».....	7
1.1. Высшие органы власти	7
1.2. Местное управление.....	9
2. ПОЛИТИКА ИГИЛ НА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ	11
3. ФИНАНСЫ ИГИЛ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ	14
ИСТОЧНИКИ ПО РАЗДЕЛАМ 1-3.....	15
4. ИГИЛ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ.....	18
4.1. Внутренние противоречия.....	19
4.2. Неустойчивость местной социальной базы	20
4.3. Противники «ближние и дальние»: оценка современной внешней стратегии ИГИЛ	22
ИСТОЧНИКИ ПО РАЗДЕЛУ 4	24
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	26
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ИРАК: КАРТА ПЛЕМЕН	27
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. ИРАК: КАРТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ.....	28
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СИРИЯ: КАРТА НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ	29

Введение

В сентябре нынешнего года автору поступило предложение поучаствовать в подготовке экспертного доклада по современному состоянию и перспективам ИГИЛ. Итогом этой работы стало несколько глав в сборнике, изданном под редакцией Яны Амелиной и Андрея Арешева¹.

Однако, как это зачастую бывает, ряд соображений, в силу ограниченного объема доклада, остались, что называется, «за бортом». Поэтому, автор искренне благодарен директору АНО «Центр стратегических оценок и прогнозов» доктору Сергею Гриняеву, с которым его связывает многолетняя дружба и достаточно плодотворное сотрудничество, за предоставленный шанс в отдельном издании глав более четко изложить ряд позиций.

«Исламское государство Ирака и Леванта» представляет собой уникальное социально-политическое явление, подлинное значение которого до сих пор так и не получило должного осмысления ни у политиков, ни в экспертном сообществе.

«Возникшая из ниоткуда террористическая организация, являющаяся на сегодняшний день главной угрозой международной и региональной безопасности» - так выглядит сегодня утвердившееся в политическом и общественном сознании определение ИГИЛ. Определение примитивное, схематичное, неверное и, следовательно, закладывающее ошибки в выработку практических шагов в отношении ИГИЛ.

Изначально рыхлый конгломерат экстремистских группировок, исламистских теоретиков и бывших активистов партии БААС за исторически короткий срок – чуть более одного десятилетия – сумел творчески переосмыслить опыт Талибана, аль-Каеды и других менее известных группировок, сформулировать социально привлекательную идею «Халифата» и эффективно использовать политический вакуум, возникший в регионе после американского вторжения в Ирак, «арабской весны» и сирийского кризиса.

Восприятие ИГИЛ как террористической организации, новой аль-Каеды – это вчерашний день, поскольку этот этап ИГИЛ уже переросла. Более того, руководство «Халифата» изначально пошло другим путем, поскольку понимало порочность и бесперспективность пути, избранного бен Ладеном и его сторонниками. Аль-Каеда не сумела сформулировать созидательной Идеи. В итоге, сконцентрировавшись на организации спецопераций против «неверных», стала лишь «одной из» множества террористических группировок, той проблемой, которую в состоянии решать военные и спецслужбы.

ИГИЛ же стремительно эволюционирует в другом направлении – создание самостоятельного государства путем:

¹ «ИСЛАМСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: СУЩНОСТЬ И ПРОТИВОСТОЯНИЕ
<http://www.kavkazgeoclub.ru/sites/default/files/pdfpreview/dokladig-final.pdf>

- демонстрации военной состоятельности – нанесения поражений национальным силам безопасности и конкурирующим группировкам;
- формирования аппарата государственного управления на контролируемых территориях;
- создания собственных источников извлечения доходов и достижение финансовой независимости;
- реализации социальных программ, направленных на обеспечение лояльности населения;
- проведения широкой пропагандистской кампании по всему миру.

В итоге, на сегодняшний день ИГИЛ представляет собой протогосударство, с территорией в 50-70 тысяч квадратных километров и населением в 6-7 миллионов человек (цифры, естественно, приблизительные). И конечная цель руководства «Халифата» не вызывает сомнения – превращение этого протогосударства в государство полноценное, что будет означать появление нового актора на Ближнем и Среднем Востоке, влияние которого будет выходить за рамки региона и, соответственно, внесет принципиальные изменения в существующий мировой политический ландшафт.

Столь категоричное утверждение основывается на том, что «Исламское государство» представляет собой социальный, политический и, в определенной части – экономический ответ на три источника, вызвавшие его к жизни:

- необратимые социально-политические изменения, произошедшие за последнее десятилетие в ряде государств Ближнего Востока, старт которым дало американское вторжение в Ирак;
- обострение процесса, который принято называть «суннито-шиитским противостоянием», но который в действительности, не теряя отчасти религиозной окраски, является конфликтом двух региональных моделей: саудовской и иранской;
- происходящий новый передел сфер влияния на Ближнем и Среднем Востоке, в котором задействованы международные и региональные акторы, а также местные элиты.

Прежнего, привычного нам Ближнего Востока, привычного административно-политического деления больше не существует. Даже при самом благоприятном развитии событий – восстановлении контроля правительства Башара Асада над частью территории страны и создании баланса интересов между суннитами и шиитами в Ираке – возврата к прежнему статус-кво и прежним границам не произойдет.

Как бы ни хотели нас убедить в обратном, но «экспансия исламизма» и «международного терроризма» - далеко не главное ни в возникновении «Исламского государства», ни в происходящих на территории Ирака и Сирии событиях. Безусловно, в ряде случаев джихадисты достаточно успешно использовали для установления своего контроля и возникавший вакуум власти, и недееспособность пра-

вительственных органов. Но основные составляющие возникновения «Исламского государства» лежат в иных сферах, главными из которых являются:

- необратимая деформация тех государственных структур в Дамаске и Багдаде, которые отвечали за контроль над суннитскими «племенами и территориями»²;

- провал политики «дебаасизации» в Ираке, в результате чего разрозненные экстремистские группировки получили приток хорошо подготовленных в военном и административном плане кадров;

- реализация ведущими региональными и трансгосударственными игроками (Саудовская Аравия, Турция, Иран, организации религиозного толка) политики по расширению собственных сфер влияния в регионе, опирающейся на использование конфессиональных и межэтнических противоречий³.

² Разбор этих понятий дан в статье «Иракские племена: от Саддама Хусейна до Дэвида Петреуса» <http://navoine.info/iraqtribes.html>

³ О сложности ситуации наглядный пример дают карты №№1-3 в приложениях.

1. СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ «ИСЛАМСКИМ ГОСУДАРСТВОМ»

1.1. Высшие органы власти

Фундаментальным принципом работы ИГИЛ как организации, создающей самостоятельное государство является принцип «baqiya wa tatamadad» (длительность во времени и расширение функций управления), итогом реализации которого должны стать «радикальные политические и социальные изменения» на контролируемых территориях [1].

Для осуществления этого принципа на сегодняшний день в центральном управлении ИГИЛ сформировано несколько структур, которые, с одной стороны, реализуют принцип коллективного принятия принципиальных решений во всех сферах деятельности, а с другой, одновременно, являются и надзорно-контролирующими, и, отчасти, исполнительными органами.

Прежде всего необходимо отметить, что в ближайшем окружении «халифа» аль-Багдади существуют два его помощника, которые непосредственно занимаются оперативными вопросами по Сирии (бывший генерал-майор иракской армии Абу Али аль-Анбари) и Ираку (бывший подполковник иракской военной разведки Абу Муслим аль-Туркмани) [2]. Кроме того, в ближайшее окружение аль-Багдади также входит его помощник по военным вопросам (по сути – командующий отрядами ИГИЛ) Абу Абд аль-Рахман аль-Билави, на которого непосредственно «замкнуты» «около тысячи полевых командиров среднего и высшего звена, имеющие профессиональные навыки и опыт в сфере военных операций, технического оснащения и безопасности» [3].

Помимо этого, лично «халифу» подчиняется «правительственный кабинет» (8 человек), финансово-ревизионная комиссия «Исламского государства», своеобразное «оперативное управление военного штаба» (около 13 человек) и личная служба безопасности [4].

Одним из высших органов управления ИГИЛ является **Совет Шуры**, который теоретически правомочен даже отстранить от власти «халифа», если будет сочтено, что он не в состоянии исполнять свои обязанности либо своими решениями нарушает принципы шариата. В Совет Шуры, который возглавляет Абу Аркан аль-Амери, входят (по разным данным) от 9 до 11 человек [5]. Одними из важнейших функций этого совета является, кроме всего, одобрение кандидатур на пост губернаторов провинций и утверждение членов Военного совета. Кроме того, Совет Шуры ответственен за передачу директив «халифа» аль-Багдади в низовые инстанции и частично осуществляет контроль за их исполнением.

Шариатский Совет, еще один высший орган управления, является одной из самых «закрытых» структур ИГИЛ и достоверно о нем известно лишь то, что, во-первых, его возглавляет лично «халиф», а, во-вторых, этот орган осуществляет мониторинг деятельности других органов управления ИГИЛ на предмет соответствия их деятельности принципам шариата.

Кроме того, Шариатский Совет через территориальные шариатские комиссии осуществляет контроль за деятельностью должностных лиц ИГИЛ, руководит подчиненной ему шариатской полицией и координирует деятельность шариатских судов. Фактически, по своему влиянию и территориальному охвату, Шариатский Совет вполне сравним с Советом Безопасности ИГИЛ, а в ряде вопросов и превосходит его полномочиями.

Военный совет, по сути, является «генеральным штабом» ИГИЛ. Число его членов не является постоянным (от 8 до 13 человек), а основными функциями являются разработка военной стратегии, планирование военных операций, контроль за их реализацией через систему личных представителей, оценка эффективности командиров подразделений, решение вопросов военно-технического снабжения, а также организация обороны территорий, уже перешедших под контроль ИГИЛ.

Совет Безопасности выполняет функции органов разведки и контрразведки ИГИЛ, а также организует охрану высшего руководства. Кроме того, совет безопасности располагает территориальными отделениями в каждой провинции, которые в своей деятельности неподотчетны местным властям. В функции подчиненных Совету Безопасности территориальных отделений также входят задачи надзора и контроля за местной властью, исполнение наказаний, контрразведка и организация противодиверсионных мероприятий на стратегически важных объектах.

Необходимо отметить также, что помимо этих функций Совет Безопасности курирует подготовку террористов смертников, занимается работой с иностранными добровольцами в ИГИЛ, осуществляет вербовку иракских и сирийских правительственных чиновников, а также организует ликвидации как командного состава и руководства противника (правительственных войск и чиновников в Ираке и Сирии, активистов конкурирующих группировок), так и собственных членов, заподозренных в нелояльности или измене.

В связи с важностью решаемых им задач, Совет Безопасности лично возглавляет уже упоминавшийся выше один из помощников «халифа» Абу Али аль-Анбари.

К высшим органам управления ИГИЛ относится также **Провинциальный совет**, который осуществляет выработку политики на контролируемых территориях, а также надзор за деятельностью губернаторов всех 18 областей (вেলাйатов) «Халифата»

Кроме того, в структуру высших органов управления ИГИЛ входят:

- **Совет по финансам**, осуществляющий надзор за распределением средств «Халифата» и аудит деятельности губернаторов областей;

- **Совет по информационным коммуникациям** (глава которого, Абу Амр аль-Шаами, родившийся в Саудовской Аравии сириец, одновременно является и членом Совета Шуры), который осуществляет непосредственное руководство пропагандой, организует деятельность СМИ «Исламского государства» и координирует деятельность активистов в социальных сетях;

- и **Совет по благотворительности**, в функции которого входят вопросы социального обеспечения, пенсий инвалидам и членам семей погибших боевиков.

Таким образом, высшие органы управления ИГИЛ на сегодняшний день представляют из себя достаточно мощную и эффективную бюрократическую структуру, деятельность которой охватывает все сферы жизни «Исламского государства», от военных вопросов до социальной политики.

Одновременно, система управления ИГИЛ сформирована таким образом, чтобы обеспечить взаимный контроль основных властных органов и сохранить баланс, при котором ни одна из структур не сможет приобрести слишком большого влияния и выйти из-под контроля «халифа» и его ближайшего окружения.

1.2. Местное управление

Управление на уровне областей и ниже частично копирует центральные структуры, с той особенностью, что Совет Безопасности и Шариатский Совет имеют на каждой территории собственных представителей, не подчиненные губернаторам областей напрямую. В результате, фактическое управление сосредоточено в руках триумvirата: губернатор – представитель Шариатского Совета – представитель Совета Безопасности. В большинстве случаев, и на уровне областей, и ниже, полноправным членом управления является и четвертое лицо – либо полевой командир, возглавляющий вооруженный отряд, либо командир местных сил самообороны.

Необходимо отметить, что руководство ИГИЛ, исходя из опыта Афганистана, одной из главных опасностей для государственного строительства считает чрезмерную самостоятельность губернаторов, в итоге приводящую к их перерождению в «военных лордов». Исходя из этого, усилия высших органов управления направлены на то, чтобы, во-первых, максимально контролировать их деятельность и распоряжение финансовыми потоками, а, во-вторых, предельно загрузить их практической работой по реализации внутренней политики ИГИЛ: восстановления мирной жизни, формирования системы здравоохранения и образования, реконструкции инфраструктуры – дорог, электро- и водоснабжения, очистных сооружений, ирригационных систем и так далее.

Именно этим обусловлено возникновение на местном уровне подчиненных губернатору комитетов по службам общего назначения (инфраструктура), комитетов общего и религиозного образования, социальных служб и, в ряде областей, комитетов по делам племен. А поскольку компетентных администраторов у ИГИЛ не хватает, то для работы в этих местных органах оно вынуждено привлекать специалистов «со стороны», обеспечивая их лояльность достаточно высокой по местным меркам заработной платой [6].

Кроме того, вопреки негласному сопротивлению губернаторов, руководство ИГИЛ сохранило норму, согласно которой 20% доходов областей, полученных от различных форм деятельности, местные власти должны отправлять в распоряжение центрального руководства «Исламского государства».

Помимо этого, на губернаторов возложена обязанность из получаемых в области средств выделять деньги на восстановление инфраструктуры и, частично, на заработную плату членов вооруженных формирований, в первую очередь – формируемых на местном уровне отрядов самообороны, и функционеров администрации. По некоторым оценкам, эти затраты составляют до 56 процентов доходов местных властей на контролируемых территориях [7]. Таким образом, помимо постоянного контроля со стороны представителей Шариатского Совета и Совета Безопасности, периодических проводимых аудиторских проверок Совета по финансам, губернаторы попросту не имеют средств для реализации самостоятельной политики и превращения в «военных лордов». И, следовательно, концентрируют свои усилия на реализации на контролируемых территориях той внутренней политики, которая определяется центральными органами управления ИГИЛ.

2. ПОЛИТИКА ИГИЛ НА КОНТРОЛИРУЕМЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Главной задачей ИГИЛ на контролируемых территориях является обеспечение лояльности населения и подтверждение социально-экономической состоятельности идеи «Халифата». Именно на это и направлена внутренняя политика «Исламского государства», включающая в себя следующие основные аспекты:

- восстановление нормальной жизнедеятельности на разрушенных войной территориях;
- реализация программ социальной поддержки населения и регулирования общественных отношений;
- ликвидация «нелояльного элемента», к которому в первую очередь, относятся не-сунниты.

Необходимость финансирования социальных рычагов обеспечения лояльности впервые остро возникла в марте-июне 2014 года, когда руководству «Исламского государства» пришлось выплатить свыше 2 миллионов долларов для обеспечения лояльности племен в полосе наступления на Дейр-е-Зор [8]. Поскольку большинство этой суммы было потрачено на решение именно социальных проблем, руководство «Халифата» сделало для себя принципиально верный вывод о том, что финансирование социальных программ для населения может стать не менее эффективным средством обеспечения лояльности и поддержки, чем массовые репрессии.

Необходимо также учитывать и то, что в руководстве «Исламского государства» достаточно много бывших членов БААС, которые обладают опытом администрирования и одной из главных задач для себя считают восстановление нормальной жизни на территориях, разрушенных в период американской оккупации и последующей гражданской войны.

Эти настроения встретили самую широкую поддержку в массах местного суннитского населения, которое недвусмысленно дало понять, что согласно принять идеи ИГИЛ в обмен на установление мира и порядка на контролируемых «Халифатом» территориях, причем, порядка, избавленного от коррупции, социальной несправедливости и злоупотребления властей. Собственно, лозунг «справедливости и порядка на принципах Ислама» и стал тем стержнем, вокруг которого на контролируемых ИГИЛ территориях консолидировалась часть населения, составившая и составляющая социальную базу «Исламского государства».

Формирующиеся органы местной власти ИГИЛ на сегодняшний день практически полностью взяли под свой контроль сферу муниципальных услуг в части электро- и водоснабжения, поставок газа для индивидуального потребления и даже деятельность пекарен. То есть, под контролем сформированных ИГИЛ местных органов управления находятся все основные сферы удовлетворения жизненных потребностей гражданского населения.

Власти на местах активно вмешиваются в ценообразование, не позволяя торговцам завышать стоимость продуктов первой необходимости и заставляя их снижать ее в рамках зяката [9].

В большинстве населенных пунктов практически полностью восстановлено автобусное сообщение, пользование которым для населения или бесплатно, или же цена носит символический характер. В ряде мест восстановлена работа почты, действует система питания для неимущих. Населению, восстанавливающему или ремонтирующему свои дома, предлагаются беспроцентные ссуды. Причем, часть получила жилье бесплатно, в первую очередь – бойцы вооруженных формирований, поскольку после эвакуации и репрессий религиозных меньшинств в распоряжении органов местного управления ИГИЛ на контролируемых территориях оказалось достаточное количество жилого фонда [10].

Восстанавливается система здравоохранения и программа вакцинации детей, причем, большинство медицинских услуг для населения бесплатно.

Особая роль отводится скорейшему восстановлению системы школьного образования. При этом, естественно, основной упор делается на религиозное образование и разработку новых курсов, связанных с преподаванием Ислама. При этом, в ряде мест дети в школах бесплатно получают одноразовое горячее питание [11].

Подобная социальная политика, по мнению руководства ИГИЛ, обеспечивает лояльность и поддержку местного населения и, что немаловажно, гарантирует относительно безболезненное принятие им тех ограничений, которые накладывает на общественную и частную жизнь шариат: обязательные молитвы пять раз в день, запрет наркотиков, алкоголя и табака, запрет азартных игр и других «неисламских развлечений».

Обратной же стороной внутренней политики «Исламского государства» на контролируемых им территориях является реализация курса на «ликвидацию нелояльного элемента», под которым подразумеваются все не-сунниты. Декларируемый руководством ИГИЛ «договор защиты» для не-суннитов практически переводит эту часть населения в категорию «второго сорта», на которую возлагаются

- дополнительные финансовые и иные обременения: подушный налог (примерно 720 долларов в год на каждого взрослого человека, что является огромной по местным меркам суммой [12]),

- повышенное почти в три раза налогообложение при занятии бизнесом,

- запрет на службу в армии, государственных учреждениях и ряд других ограничений дискриминирующего характера [13].

По сути, политика руководства ИГИЛ в отношении конфессиональных меньшинств заключается в их полном вытеснении с территорий «Халифата», причем, что совершенно не скрывается, не только политическими, но и репрессивными методами, вплоть до показательного физического уничтожения отдельных групп. Кроме того, конфискуемое имущество вытесняемых конфессиональных меньшинств служит для ИГИЛ дополнительным источником дохода.

3. ФИНАНСЫ ИГИЛ: ТЕКУЩЕЕ СОСТОЯНИЕ

По оценкам ряда экспертов [14], расходы на оборону и социальную сферу подконтрольных ИГИЛ территорий примерно сопоставимы с расходами, которые несло в отношении этих областей иракское и, отчасти, сирийское правительство. Что, естественно, ставит вопрос об источниках финансирования «Исламского государства» и текущем состоянии его бюджета.

Следует сразу подчеркнуть, что в отличие от аль-Каеды ИГИЛ изначально делало ставку на формирование собственных источников дохода и на достижение независимости от «спонсоров» и «благодетелей». По некоторым оценкам, активы организации перед захватом Мосула летом 2014 года составляли 875 миллионов долларов [15], которые были получены в результате контрабанды энергоносителей, вымогательства, торговли заложниками и другими способами. Успешный захват Мосула принес в бюджет ИГИЛ еще 430 миллионов долларов, а установление контроля и финансовое «освоение» части территории Ирака и Сирии сделало ежемесячные поступления в бюджет «Халифата» регулярными.

На сегодняшний день доход ИГИЛ складывается из следующих основных статей:

- продажа на внутреннем рынке и зарубежным покупателям (из Ирака, Ливана, Иордании и Турции) нефти [16].

По состоянию на август 2014 года объем продаж оценивался в 70 тысяч баррелей ежедневно, причем цена сырой нефти составляла 26-35 долларов за баррель, высококачественной «легкой» - до 60 долларов. Таким образом, эта статья доходов приносила ИГИЛ от 2 до 3 миллионов долларов в день. И хотя после ударов международной коалиции доходность сократилась, она все равно оценивается в 1-1,5 миллиона долларов прибыли ИГИЛ ежедневно.

- налогообложение бизнеса как на подконтрольных территориях, так и за их пределами.

Причем, налогом облагаются все виды бизнеса, от продуктовых магазинов и мелких мастерских до крупных предприятий, даже если они находятся за пределами территории «Халифата». Известны случаи, когда представители ИГИЛ угрожали взорвать ретрансляторы сотовых компаний и электроподстанции, если их владельцы откажутся ежемесячно выплачивать им деньги «за защиту» их имущества [17].

Торговля антиквариатом [18].

В качестве примера сумм, которые получает ИГИЛ в этой сфере, продавая артефакты, достаточно привести показания сотрудника иракской разведки о том, что только одна операция по продаже иракских древностей принесла в казну ИГИЛ более 36 миллионов долларов [19].

«Дорожный налог».

Расширяя сферы налогообложения, функционеры ИГИЛ взяли под контроль прохождение автомобильных грузов по дорогам Сирии и Ирака. В сентябре 2014

года стоимость пропуска для грузовика с продовольствием составляла 300 долларов, для грузовика с электронными и бытовыми товарами – 400 долларов, с другими грузами – до 800 долларов. При кажущейся незначительности сумм, в итоге они дают неплохой объем регулярного дохода в бюджет ИГИЛ. Примечательно, что сборщики «дорожного налога» от «Исламского государства» мало того, что выдают водителям квитанции о его уплате, но и снабжают их поддельными квитанциями о прохождении официальной иракской таможни, которая без дополнительных вопросов принимается на блок-постах правительственных сил.

Естественно, существуют и другие источники дохода ИГИЛ, которые носят либо откровенно криминальный, либо полукриминальный характер: от торговли заложниками до конфискации имущества не-суннитов, от контрабанды до внешних пожертвований. Однако, их доля в общей структуре доходов «Исламского государства» на сегодняшний день не является значительной.

В целом, оценивая финансовое состояние «Халифата» на сегодняшний день, можно с высокой долей вероятности утверждать, что оно, во-первых, базируется на внутренних источниках и доходах, извлекаемых с контролируемых территорий. А, во-вторых, является достаточно стабильным, что позволяет руководству ИГИЛ содержать вооруженные формирования численностью от 20 до 30 тысяч бойцов, реализовывать социальные программы для населения, частично финансировать подрывную деятельность в соседних странах и вести активную пропаганду на внешнюю аудиторию.

Источники по разделам 1-3

[1] Stathis Kalyvas, “The Logic of Violence in the Islamic State’s War,” The Washington Post, 7

July 2014, <http://m.washingtonpost.com/blogs/monkey-cage/wp/2014/07/07/the-logic-of-violence-in-islamic-states-war>

[2] Ruth Sherlock, “Inside the Leadership of the Islamic State: How the New Caliphate Is Run,” The Telegraph, 9 July 2014, <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/10956280/Inside-the-leadership-of-Islamic-State-how-the-new-caliphate-is-run.html>

[3] Sherlock, “Inside the Leadership.”

[4] Matthew Barber, “New ISIS Leaks Reveal Particulars of Al-Qaida Strategy,” Syria Comment (blog), 12 January 2014, <http://www.joshualandis.com/blog/new-isis-leaks-reveal-particulars-of-al-qaida-strategy>;

“Exclusive: Top ISIS Leaders Revealed,” Al-Arabiya, 13 February 2014, <http://english.alarabiya.net/en/News/2014/02/13/Exclusive-Top-ISIS-leaders-revealed.html>

[5] Suhaib Anjarini, “The Islamic State: from Baghdadi the founder to Baghdadi the “caliph”, Al-akhbar (eng), 10 July 2014 <http://english.al-akhbar.com/node/20599>

[6] “How Isil is funded, trained and operating in Iraq and Syria”, The Telegraph, 23 August 2014,
<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/iraq/11052919/How-Isil-is-funded-trained-and-operating-in-Iraq-and-Syria.html>

[7] Hannah Allam, “Records Show How Iraqi Extremists Withstood U.S. Anti-Terror Efforts,” McClatchy DC, 23 June 2014,
http://www.mcclatchydc.com/2014/06/23/231223_records-show-how-iraqi-extremists.html?rh=1

Nour Malas and Maria Abi-Habib, “Islamic State Fills Coffers From Illicit Economy in Syria, Iraq,” The Wall Street Journal, 27 August 2014,
<http://online.wsj.com/articles/islamic-state-fills-coffers-from-illicit-economy-in-syria-iraq-1409175458>

[8] Josh Rogin, “U.S. Ignored Warnings Before ISIS Takeover of a Key City,” The Daily Beast, 10 July 2014, <http://www.thedailybeast.com/articles/2014/07/10/u-s-ignored-warnings-before-isis-takeover-of-a-key-city.html>

[9] Hassan Hassan, “Islamic State in Syria, Back with a Vengeance,” Sada, 14 July 2014 <http://carnegieendowment.org/sada/2014/07/14/islamic-state-in-syria-back-with-vengeance/hfto>

[10] “In northeast Syria, Islamic State builds a government”, Reuters, 18 August 2014, <http://www.reuters.com/article/2014/09/04/us-syria-crisis-raqqa-insight-idUSKBN0GZ0D120140904>

[11] “IS Instills its Own Curriculum in A-Raqqa Schools,” Syria Direct, 3 September 2014, <http://syriadirect.org/main/37-videos/1537-is-instills-its-own-curriculum-in-a-raqqa-schools> ;

Sinan Salaheddin and Vivian Salama, “Islamic State Group Issues New Curriculum in Iraq,” Associated Press, 15 September 2014, <http://bigstory.ap.org/article/islamic-state-group-issues-new-curriculum-iraq>

[12] “Militant Islamist group in Syria orders Christians to pay protection tax”, The Telegraph, 27 February 2014,
<http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/middleeast/syria/10666257/Militant-Islamist-group-in-Syria-orders-Christians-to-pay-protection-tax.html>

[13] Islamic State’s dhimmi pact in Raqqa, introduced in late February 2014,
<http://justpaste.it/ejur>

[14] Richard Barrett and The Soufan Group, “The Islamic State”, November, 2014,
<http://soufangroup.com/the-islamic-state/>

[15] “How an arrest in Iraq revealed Isis's \$2bn jihadist network”, The Guardian, 15 June 2014, <http://www.theguardian.com/world/2014/jun/15/iraq-isis-arrest-jihadists-wealth-power>

[16] Nour Malas and Maria Abi-Habib, “Islamic State Fills Coffers From Illicit Economy in Syria, Iraq,” The Wall Street Journal, 27 August 2014,

<http://online.wsj.com/articles/islamic-state-fills-coffers-from-illicit-economy-in-syria-iraq-1409175458>

Keith Johnson, “The Islamic State Is the Newest Petrostate,” *Foreign Policy*, 28 July 2014,
http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/28/baghdadis_hillbillies_isis_iraq_syria_oil_terrorism_islamic_state

[17] “Oil, Extortion and Crime: Where ISIS Gets Its Money”, NBCNEWS, 11 September 2014, <http://www.nbcnews.com/storyline/isis-terror/oil-extortion-crime-where-isis-gets-its-money-n200991>

[18] Икрам Сабиров “Что объединило исламистов и арт-дилеров?”, *Столетие*, 1 июня 2015,
http://www.stoletie.ru/fakty_i_kommentarii/chto_objedinilo_islamistov_i_art-dilerov_934.htm

[19] Heather Pringle “ISIS Cashing in on Looted Antiquities to Fuel Iraq Insurgency”, *National Geographic*, 27 June 2014,
<http://news.nationalgeographic.com/news/2014/06/140626-isis-insurgents-syria-iraq-looting-antiquities-archaeology/>

[20] Mitchell Prothero, “Islamic State Issues Fake Tax Receipts to Keep Trade Flowing,” *McClatchy DC*, 3 September 2014,
http://www.mcclatchydc.com/2014/09/03/238508_islamic-state-issues-fake-tax.html?rh=1

4. ИГИЛ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЭКСПАНСИИ

Направления внешней экспансии «Исламского государства» и расширение сфер влияния связанных с ним местных группировок (как уже принесших присягу верности, так и намеревающихся это сделать) является самым актуальным вопросом для состояния как региональной, так и международной безопасности. Именно в силу этой актуальности данный вопрос излишне политизирован, насыщен мифами и спекуляциями, что крайне затрудняет как анализ его реального состояния, так и выработку достоверного прогноза.

Серьезным препятствием для анализа действительного положения дел является и то обстоятельство, что большинство мировых и региональных игроков, завязанных на данной теме, пытаются использовать «фактор ИГИЛ» для решения своих политических задач, которые, зачастую, достаточно мало связаны с проблемой внешней экспансии «Халифата» и лежат в несколько иной сфере.

Так, для США «фактор ИГИЛ» не носит характера стратегической угрозы, однако активно эксплуатируется Вашингтоном как повод для продолжения «реформатирования Большого Ближнего Востока» в более выгодную для американской элиты конфигурацию.

Руководство некоторых других стран участие в «международной антитеррористической коалиции» рассматривает как возможность укрепить свои партнерские отношения с США и, пользуясь данным обстоятельством, получить от Вашингтона и других государств-лидеров этой коалиции дополнительные политические, финансовые и военные преференции.

Кроме того, ведущие региональные игроки – Иран, Турция, Саудовская Аравия – активно используют «фактор ИГИЛ» как для продвижения тех своих прагматических интересов, которые связаны с происходящей в последние три десятилетия между этими государствами борьбой за лидерство на Ближнем и Среднем Востоке, так и для решения ряда внутривнутриполитических проблем этих стран.

Переплетение интересов многочисленных государственных и негосударственных акторов вокруг ИГИЛ, как уже говорилось выше, создает «информационный шум», серьезно затрудняющий анализ реального состояния дел и возможных вариантов развития ситуации. В связи с этим возникает настоятельная необходимость выявления неких ключевых индикаторов по ИГИЛ, состояние которых даст возможность с приемлемой степенью достоверности прогнозировать как возможные направления внешней экспансии «Исламского государства», так и наиболее вероятную тактику ее осуществления в отношении тех, кого руководство «Халифата» считает «ближними и дальними врагами» в соответствии со своей политической концепцией [1].

В качестве таких индикаторов предлагается использовать:

- во-первых, анализ бюджета ИГИЛ и структуры его расходов

исходя из того, что, во-первых, нарастание доли административных и социальных расходов будет свидетельствовать о снижении возможности ИГИЛ к прове-

дению агрессивной внешней экспансии и наоборот. А, во-вторых, увеличение доли доходов в бюджет ИГИЛ из внешних источников снижает заинтересованность его руководства в сохранении контролируемых территорий;

- во-вторых, состояние основных существующих внутренних противоречий как в руководстве ИГИЛ, так и в целом внутри «Халифата».

Не вызывает сомнения, что в процессе изучения ИГИЛ количество ключевых индикаторов возрастет, что приведет к повышению достоверности касающихся его аналитических прогнозов. С учетом того, что их выявление потребует определенного времени, в настоящем докладе представляется целесообразным обозначить основные внутренние противоречия «Исламского государства», оказывающие принципиальное влияние на вопросы реализации внешнеполитической экспансии, ее тактику и ее перспективные направления.

4.1. Внутренние противоречия

В соответствии с принятыми большинством руководства ИГИЛ взглядами, эволюция организации представляет собой прохождение пяти этапов [2]:

- hijra (перемещение всех «верных» в ключевую точку приложения усилий);
- jama'a (собрание сил);
- дестабилизация taghut (тиранических режимов, являющихся нелегитимными с исламистской точки зрения);
- tamkin (консолидация людей и ресурсов вокруг единой цели с попутным очищением от нелояльных и неискренних элементов);
- и, наконец, khilafa (построение собственно «Халифата» как института политического присутствия и измерения Ислама на Земле).

Большинство руководства ИГИЛ, судя по имеющейся информации и косвенным признакам, считают, что сегодня организация находится на четвертом этапе своего становления, а провозглашенный лозунг «Халифата» является пропагандой конечной цели, мало связанной с сегодняшней политической реальностью.

Подобный взгляд является признаком адекватного восприятия ситуации, поскольку и внутри руководства ИГИЛ, и в целом в организации существует ряд конфликтов и противоречий, каждый из которых может оказать принципиальное влияние на будущее «Исламского государства» в ключевом вопросе – станет ли оно государством без кавычек или же откатиться к состоянию экстремистской группировки, пусть и более влиятельной, чем, например, аль-Каеда.

К таким конфликтам и противоречиям следует, в первую очередь, отнести:

Противоречия в руководстве ИГИЛ между «государственниками» и сторонниками «тотальной внешней экспансии».

По имеющейся информации и ряду косвенных признаков, в настоящее время предметом ожесточенной дискуссии в руководстве ИГИЛ является вопрос о выборе пути развития «Исламского государства» на ближайшую перспективу.

Сторонники «государственного» подхода настаивают на том, что приоритетной задачей является закрепление на контролируемых территориях, их обустройство и формирование дополнительных источников доходов. При этом они указывают на необходимости качественного укрепления лояльности местного населения и племен, формирования из них социальной базы «Исламского государства».

Еще одним их аргументом в дискуссии является утверждение о том, что, во-первых, в настоящее время «Халифат» не выдержит прямого противостояния с международной коалицией в случае проведения ею наземной операции. А, во-вторых, построение общества на основах порядка и социальной справедливости привлечет к ИГИЛ гораздо больше сторонников, чем террористическая война на чужих территориях, требующая, помимо прочего, значительных финансовых ресурсов.

Сторонниками данного подхода в большинстве своем являются бывшие активисты из партии БААС, офицеры и чиновники саддамовского периода, а также представители племен и местной буржуазии.

Их противниками выступают, по большей части, представители «интернационалистов», примкнувшие к ИГИЛ выходцы из других стран и командиры тех вооруженных формирований, костяк личного состава которого составляют граждане иностранных государств.

Следует отметить, что сторонники «тотальной внешней экспансии» стремятся ослабить позиции оппонентов в том числе и путем их физического уничтожения, доказательством чему были «зачистки» в целом достаточно лояльных к ИГИЛ экс-баасистов в Мосуле летом прошлого, 2014 года [3]. Естественно, что подобные акции не остаются без ответа со стороны «государственников», особенно с учетом их доминирующего положения в Совете Безопасности ИГИЛ. Очевидно, что данный конфликт будет в ближайшей перспективе только нарастать, серьезно влияя как на внутреннюю, так и на внешнюю политику «Исламского государства».

4.2. Неустойчивость местной социальной базы

Помимо чисто репрессивных мер, во многом контроль ИГИЛ над территориями обеспечивается договоренностями между властями «Исламского государства» с местными акторами – представителями племен, различными категориями местной буржуазии, сохранившими свое влияние неформальными объединениями бывших активистов партии БААС, чиновников и офицеров саддамовского режима, ренегатов из сирийских органов государственного управления, а также технократов (инженеров и администраторов, оставшихся работать на территории «Халифата»).

К настоящему времени в руках этих местных акторов сосредоточились основные рычаги власти на местном уровне, в то время как силы «интернационали-

стов» понесли серьезные потери в боях с правительственными войсками и конкурирующими группировками. Кроме того, они методично работают над повышением собственного влияния в местных органах управления, фактически полностью «замыкая» на себя работу «технократов», инженеров и администраторов, обеспечивающих как функционирование систем жизнеобеспечения, так и предприятий, деятельность которых служит источником дохода для «Халифата».

Ситуация для радикальных элементов в руководстве ИГИЛ осложняется тем, что привлечение безусловно преданных идеям «Халифата» добровольцев из-за рубежа не в состоянии обеспечить необходимую потребность организации в специалистах гражданского профиля. В настоящее время в ИГИЛ введен институт «исламских наблюдателей», назначаемых в качестве представителей на те или иные объекты производства, инфраструктуры, образования, здравоохранения и т.д. Однако, уже сегодня становится очевидным, что в силу различных причин они не в состоянии обеспечить полный контроль над различными сферами деятельности.

Следует добавить, что в настоящее время на контролируемых ИГИЛ территориях активно идет формирование местного ополчения, контролируемого именно вышеперечисленными внешними акторами.

Данные тенденции на перспективу создают существенные ограничения для политического и идеологического руководства ИГИЛ. Во-первых, они создают барьер для введения «истинного исламского образа жизни» (в салафитской его трактовке) на контролируемых территориях. Во-вторых, они ограничивают возможность использования большей части доходов ИГИЛ с этих контролируемых территорий на нужды «интернационализации джихада». В случае же, если сторонники «тотальной исламизации» и «внешней экспансии» в руководстве ИГИЛ попробуют в корне изменить складывающуюся ситуацию, то они всерьез рискуют на перспективу полностью лишиться лояльности местных акторов и утратить социальную базу [4].

4.3. Противники «ближние и дальние»: оценка современной внешней стратегии ИГИЛ

И вышеперечисленные, и ряд других, оставшихся за рамками настоящего доклада, конфликтов и противоречий, уже накладывают определенные ограничения как на внешнюю стратегию ИГИЛ, так и на тактику ее реализации.

На сегодняшний день руководством ИГИЛ принята концепция «ближних и дальних врагов», которая, в целом, отражает перспективные направления приложения военно-политических усилий вне территории «Халифата».

В соответствии с этой концепцией, «ближними врагами», а, следовательно, и первоочередными целями, являются правящие режимы Саудовской Аравии, Ливии, Египта, Алжира и Нигерии. Их максимальная дестабилизация является, по мнению руководства ИГИЛ, ключевым условием как существования самого «Халифата», так и безопасности его «вилаятов» на территории этих и граничащих с ними стран. В частности:

- в Ливии: вилайт Барка (Киренаика), вилайт Феззан (Феццан), вилайт Тараблус (Триполи);

- на Аравийском полуострове (Саудовская Аравия и Йемен): вилайт Сана, вилайт Лахедж, вилайт Хадрамаут, вилайт Аден, вилайт Аль-Байда, вилайт Шабва, вилайт Неджд, вилайт аль-Харамейн (т.н. «Две Святыни» – Мекка и Медина, Хиджаз)

- вилайт Сайна (Синай, Египет), вилайт Аль-Джазаир (Алжир), вилайт Западная Африка (Нигерия).

Для борьбы с этими «ближними врагами», помимо развертывания диверсионно-террористических операций на их территории, предусмотрены также действия в Ливане и Иордании.

Так, основные усилия в Ливане направлены на максимальное ослабление позиций движения Хизбалла и укрепление местных группировок, симпатизирующих ИГИЛ. В отношении же Иордании выбрана более радикальная стратегия, предусматривающая максимальную дестабилизацию обстановки в стране и, как конечную цель, свержение правящей в Аммане династии [5].

В отношении Ирана руководство ИГИЛ занимает откровенно враждебную позицию, однако прямую борьбу с ним относит к долгосрочной перспективе. Столь откровенно двойственный подход вместе с тем является и отражением достаточной степени прагматизма лидеров «Халифата». И обуславливается тем, что, с одной стороны, по мнению теоретиков «Исламского государства» Иран и поддерживаемые им шиитские группировки в регионе являются одним из «главных источников бед суннитов». С другой стороны, во-первых, военные возможности Тегерана по отношению к ИГИЛ являются качественно превосходящими. Во-вторых, «Исламское государство» в настоящее время не располагает на иранской территории достаточным количеством сторонников и агентуры, способных нанести Тегерану ущерб в случае прямого конфликта.

Поэтому в настоящее время усилия структур ИГИЛ в отношении Ирана сосредоточены на создании суннитского подполья (в частности – в Хузестане и Иранском Белуджистане), способного, в случае необходимости осуществлять масштабные диверсионно-террористические акции. Что же касается иранской политики в Ираке, то здесь руководство «Исламского государства» намерено максимально противодействовать проникновению поддерживаемого Тегераном шиитского ополчения как на контролируемую им территорию, так и в находящиеся за ее пределами районы проживания суннитов. Впрочем, избегая при этом проведения масштабных наступательных действий на «шиитские территории», сводя противостояние к партизанской войне.

Необходимо отметить также, что руководство ИГИЛ считает региональное противостояние Саудовской Аравии и Ирана чрезвычайно благоприятным для себя фактором, рассматривая прокси-войны, которые ведут между собой два этих государства, как дополнительную возможность для укрепления собственных позиций в странах, на территории которых эти прокси-войны с различной степенью интенсивности ведутся. Кроме того, руководство «Исламского государства» не без оснований полагает, что в условиях эскалации противостояния между двумя крупнейшими региональными игроками, Тегераном и Эр-Риядом, каждый из них рассматривает ИГИЛ все же как меньшую угрозу, чем возможное, по тем или иным причинам, усиление конкурента.

Не менее двойственный подход характерен и для отношении руководства ИГИЛ к другим «дальним врагам», к которым отнесены США, страны Евросоюза, Россия и Китай. Именно их пропагандисты ИГИЛ называют «главными противниками мусульманского мира», вызывая ответную реакцию в масс-медиа и экспертном сообществе этих стран.

Однако, если анализировать не информационную составляющую, а содержательную часть, то достаточно очевидным становится, что руководство «Исламского государства» предпочитает проводить в отношении этих стран политику «баланса рисков». С одной стороны - точечными акциями у общественности этих стран поддерживается страх перед терроризмом и определенный градус исламофобии, ряд государств, входящих в возглавляемую США «антитеррористическую коалицию» наносят военные удары по ИГИЛ, ряд других – выступает с предельно жесткими заявлениями. Что, в целом, позволяет руководству «Халифата» поддерживать в массах версию о «новом крестовом походе против исламской цивилизации» и, соответственно, получать все новых симпатизантов в умме, в том числе – и из числа мусульман, проживающих на территории «дальних врагов».

Но с другой стороны, эти точечные акции пока не переходят той грани, за которой международное сообщество признает ликвидацию «Исламского государства» единственной приоритетной задачей, сумеет для ее решения преодолеть существующие разногласия и задействовать весь свой военный, административный, финансовый и разведывательный потенциал, как это, в свое время произошло с теми же аль-Каедой или «старым» Талибаном.

Столь же двойственный и столь же прагматичный подход руководство ИГИЛ практикует и в отношении тех многочисленных группировок, которые в последние месяцы приносят присягу на верность «Халифату».

Официальная пропаганда «Исламского государства» всячески тиражирует данные факты, представляя их как «победное шествие Халифата по планете», однако в практической плоскости – установления устойчивых конспиративных связей, создания каналов постоянного финансирования и снабжения оружием, разработки систем связи и координации деятельности все обстоит гораздо скромнее.

Данная ситуация объясняется тем, что те или иные группировки/организации на сегодняшний день представляют интерес для руководства ИГИЛ либо в случае, если они оперируют в районах, способных обеспечить получение того или иного ресурса (логистические возможности в Ливии и на Синае, доступ к «черному» рынку оружия в Йемене, энергоресурсы в Нигерии и той же Ливии, и т.д), либо как источник пополнения личного состава вооруженных формирований, действующих на контролируемой ИГИЛ территории.

Все остальные возможности этих группировок (за исключением активно разрабатывающихся Советом Безопасности «Исламского государства» в последние месяцы планов расширения агентурно-разведывательной сети и дееспособного подполья) для руководства ИГИЛ пока практического интереса не представляют и отнесены к задачам на среднесрочную перспективу.

Поэтому представляется, что говорить о международной сети «Халифата», ссылаясь при этом на количество заявивших о верности ему группировок, в настоящее время как минимум преждевременно.

При всех своих успехах ИГИЛ на сегодняшний день остается организацией, чья реальная деятельность ограничена регионом Ближнего Востока и частью Северной Африки. Многочисленные заявления о тех или иных «новых» направлениях «внешней экспансии Халифата» в большинстве своем носят рекламно-пропагандистский характер. А то, окажется ли «Исламское государство» расширить свои сферы влияния и начать проникновение на направлениях, помимо указанных в данной главе настоящего доклада, зависит от целого ряда факторов внутреннего и внешнего характера, нуждающихся в постоянном мониторинге и аналитическом осмыслении.

Источники по разделу 4

[1] Более подробно об этой концепции: Англоязычный журнал ИГИЛ “Dābiq”, №1, Июль 2014. Здесь и далее цитируется по блогу Jihadology, <http://jihadology.net/2014/07/05/al-%E1%B8%A5ayat-media-center-presents-a-new-issue-of-the-islamic-states-magazine-dabiq-1/>

[2] Там же.

[3] Некоторые подробности здесь: Maggie Fick and Ahmed Rasheed “ISIS rounds up ex-Baathists to eliminate rivals”, Al-Arabiya news, 8 July 2014

<http://english.alarabiya.net/en/News/2014/07/08/Islamic-State-rounds-up-ex-Baathists-to-eliminate-potential-rivals-in-Iraq-s-Mosul.html>

[4] Некоторые аспекты проблемы рассматриваются здесь: Institute for the Study of War, “Middle East Security Report #22”, July 2014, http://www.understandingwar.org/sites/default/files/ISIS_Governance.pdf

[5] William Booth and Taylor Luck, “Jordan Fears Homegrown ISIS more than Invasion from Iraq,” The Washington Post, 27 June 2014, http://www.washingtonpost.com/world/middle_east/jordan-fears-homegrown-isis-more-than-invasion-from-iraq/2014/06/27/1534a4ee-f48a-492a-99b3-b6cd3ffe9e41_story.html

“Jihadist Expansion in Iraq Puts Persian Gulf States in a Tight Spot,” The Washington Post, 13 June 2014, http://www.washingtonpost.com/world/jihadist-expansion-in-iraq-puts-persian-gulf-states-in-a-tight-spot/2014/06/13/e52e90ac-f317-11e3-bf76-447a5df6411f_story.html

David D. Kirkpatrick, “Militant Group in Egypt Vows Loyalty to ISIS,” The New York Times, 10 November 2014, http://www.nytimes.com/2014/11/11/world/middleeast/egyptian-militant-group-pledges-loyalty-to-isis.html?_r=0

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первоочередным шагом, который должны сделать заинтересованные российские организации и лица, является отказ от рассмотрения ИГИЛ исключительно как террористической организации и подход к этому явлению как социальному процессу, возникшему в результате происходящих в регионе Ближнего и Среднего Востока изменений.

Не вызывает сомнений то обстоятельство, что «Исламское государство» в отдельных своих проявлениях связано с естественным процессом распада привычных границ, конфессиональными конфликтами, вакуумом власти, возникшим после разрушения в результате американской оккупации Ирака, гражданской войны и иностранной интервенции в Сирии, а также изменениями, связанными с процессами так называемой «арабской весны», в частности – суннитского и шиитского «пробуждения».

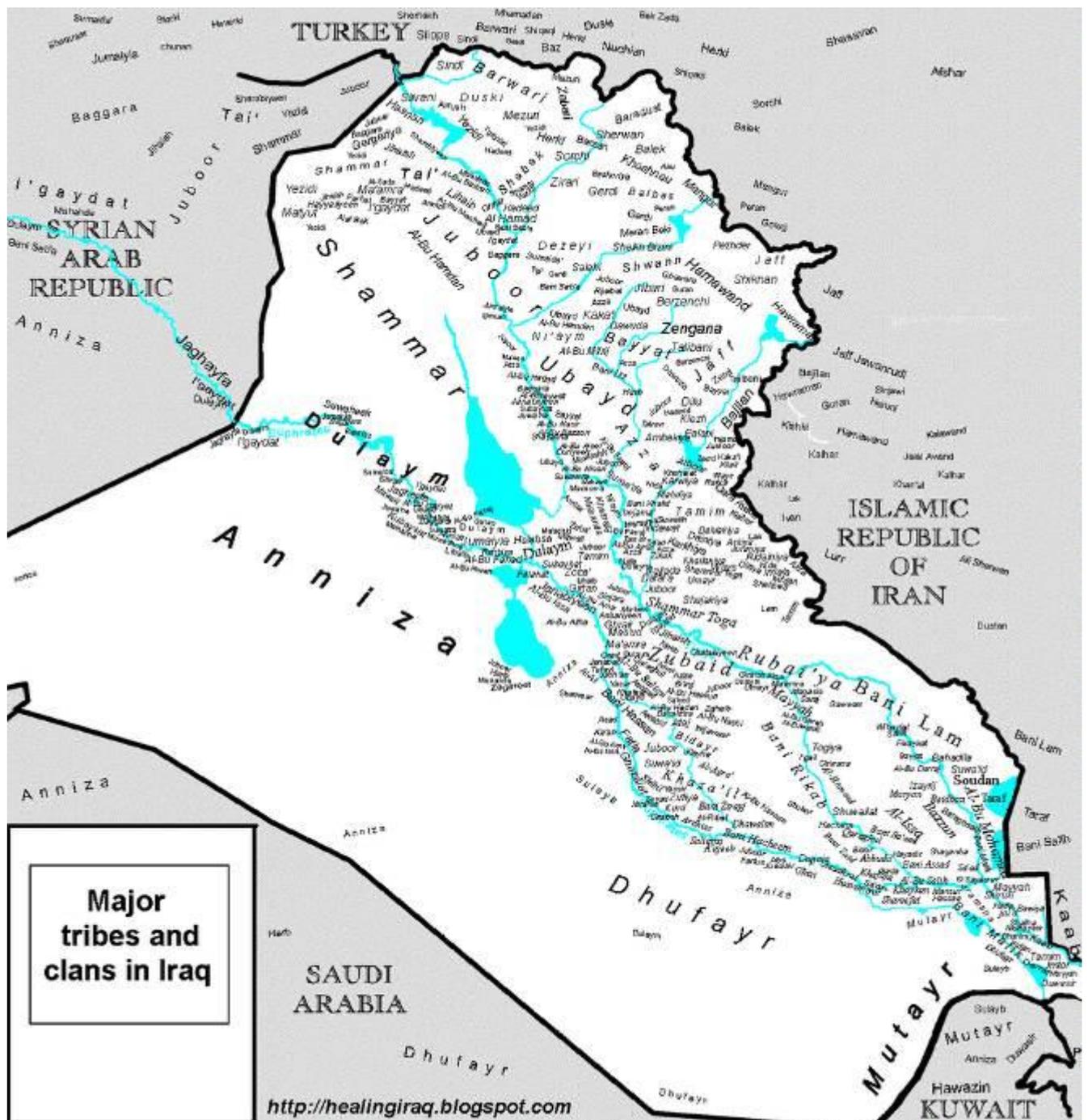
В оценке и прогнозировании связанных с «Исламским государством» и его деятельностью процессов важно учитывать и то обстоятельство, что в известной мере своим появлением и успехом ИГИЛ обязано контрреакции традиционного восточного общества на внедрение, зачастую – насильственное, чуждых этому обществу поведенческих моделей западного «общества потребления» и западных же политических институтов.

По большому счету, реально достижимые стратегические задачи России в отношении ИГИЛ выглядят следующим образом:

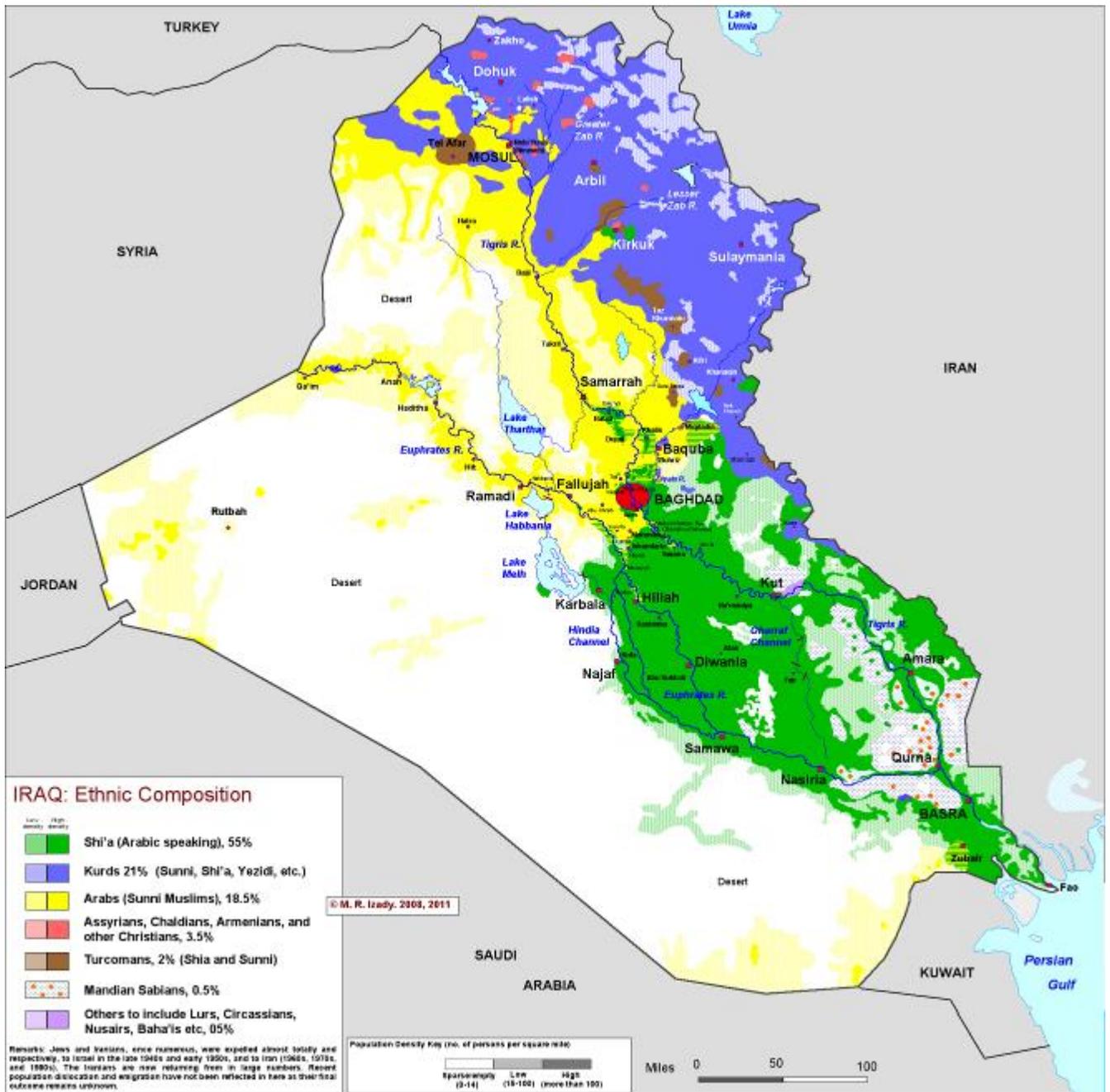
1. Ограничение деятельности «Исламского государства» территориями Ирака и Сирии, в пессимистическом сценарии – территориями государств, отнесенных руководством ИГИЛ к «ближним врагам».
2. Вывод на территорию ИГИЛ экстремистски настроенных элементов из числа как российских граждан, так и граждан стран ближнего зарубежья, с созданием механизмов, блокирующих их возвращение и осуществление какой-либо дестабилизирующей деятельности на территории России.

Данные задачи требуют реализации целого комплекса как политических, так и специальных мероприятий. Их разработка требует времени и должна основываться не на широко распространенных медиа-мифах и односторонней экспертной трактовке ИГИЛ исключительно как террористической организации, а на комплексном анализе реального положения дел, в том числе – финансовых аспектов деятельности «Исламского государства», изучения имеющихся политических противоречий в руководстве, происходящих в нем социальных процессах и конфликтах.

Приложение 1. Ирак: карта племен

Приложение 2. Ирак: карта национальностей

Приложение 3. Сирия: карта национальностей

